
КРУГ ЧТЕНИЯ

М. А. Черняк,

профессор кафедры новейшей русской литературы

ВРЕМЯ ЧИТАТЬ?

В конце мая прошлого года весь Петербург был заклеен огромными постерами, на которых было написано «Время читать», — так Российский книжный союз, объединяющий библиотеки и издательства России, приглашал на Петербургский книжный салон. Несмотря на яркость рекламных плакатов, этот слоган воспринимался скорее как самоуничижение или крик отчаяния. Так и хотелось в конце поставить вопросительный знак. Время ли сегодня читать? Модно ли? (еще один слоган петербургского издательства «Амфора» — «Читать модно»).

Вопрос этот, безусловно, возник значительно раньше. В середине XX в. стали говорить о *функциональной неграмотности* как о тяжелой болезни современного общества. «Большинство людей читать не умеет, большинство даже не знает толком, зачем читает. Одни полагают чтение по большей части трудоемким, но неизбежным путем к «образованности», и при всей своей начитанности эти люди в лучшем случае станут «образованной» публикой. Другие считают чтение легким удовольствием, способом убить время, в сущности, им безразлично, что читать, лишь бы скучно не было», — такой диагноз читателю XX в. ставил Г. Гессе. А уже в новом веке, в 2005 г., по заказу «Российской газеты» и Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Аналитический центр Юрия Левады провел исследование *«Массовое чтение в России»*. Результаты оказались ошеломляющими. По ним можно сделать вывод, что современная Россия переживает своеобразную катастрофу чтения. «Хочется схватиться за голову: люди добрые, что же вы читаете?! То ли это молчали-

вый заговор злых сил, то ли теневая сторона больших денег?», — восклицает писатель Николай Шмелев¹, реагируя на то, что наибольший спрос у населения имеют глянце-вые журналы и жанры массовой литературы (детективы, мелодрамы, фэнтези). Очевидно, современному читателю, живущему в ситуации постоянных стрессов, требуется средство, снимающее избыточное психическое напряжение от обрушивающихся на него информационных потоков, редуцирующее сложные интеллектуальные проблемы до примитивных оппозиций («хорошее—плохое», «наши—чужие», «добро—зло», «преступление—наказание» и т. п.), дающее возможность отдохнуть от социальной ответственности и необходимости личного выбора. Постепенно именно массовая литература берет на себя функцию отвлечения от монотонности повседневности и начинает определять диапазон культурных потребностей человека, который с удовольствием наблюдает за похождениями и подвигами серийных героев романов А. Марининой и Ф. Незнанского, П. Дашковой и Е. Доценко, Д. Донцовой и Э. Тополя, осознавая при этом, что описываемые преступления никак не нарушают его психологического покоя.

В прошлом году в России вышло 633 млн книг и брошюр, 134 млн из них — беллетристика. Цифры фантастические. Как можно ориентироваться в этом книжном изобилии? Социологи пришли к неутешительным выводам: библиотеки, которыми не пользуются 79% россиян, перестали быть главными ин-

¹ Шмелев Н. Ищите дураков на другой улице // *Российская газета*. № 3831 от 27 июля 2005 г.

ститутами организации чтения и представлять «национальную» культуру; более 40% издаваемых в стране книг не доходит до читателей. Негативные тенденции книжного рынка не исчерпываются только сокращением чтения. Изменилось отношение к книге и чтению вообще. Чтение перестало быть человеко- и культуuroобразующим ресурсом, книги читают либо строго функционально, либо рутинно, примерно так же, как автоматически переключают кнопки телевизионного пульта. Узнаваемой приметой сегодняшнего дня стали курсы «*быстрого чтения*», приучающие к диагональному чтению на бегу. Если раньше чтение как универсальный тип культурной деятельности помогало людям двигаться на разного рода социальных лифтах, то сегодня, по мнению культуролога Д. Дундурей, «в России не воспроизводится элита, не сохраняется и не транслируется многоуровневый культурный потенциал. Предприниматели хотят заработать деньги, быстро продвигают на рынок всевозможную попсу. Отсюда обилие женских детективов, гламурных журналов. Что же касается высокой культуры, никаких серьезных инструментов и усилий здесь почти незаметно. Ни со стороны власти, ни со стороны бизнеса»².

«Современная ситуация в этом отношении характеризуется как системный кризис читательской культуры, когда страна подошла к *критическому пределу пренебрежения чтением*» — этот грустный приговор озвучен в «Национальной программе поддержки и развития чтения». Увлечение читателей выходящими миллионными (!) тиражами глянцевыми журналами «Караван историй», «Семь дней», «Hello», «Домашний очаг» и др., которые скорее не читают, а пролистывают, подтверждают грустную правоту слов критика Натальи Ивановой: «В результате дефолта читатель делается подозрителен к подлинному литературному капиталу — он теперь всего боится, боится, что его надувают и здесь, не хочет более быть лохом. И —

перестает читать. Перестает быть читателем. Освобождается от этой необязательной теперь привычки — как от вредной. Раз обманули, два подсунули... больше не читаю. Бесплезная трата времени. Собирает диски, грибы, ягоды, слушает музыку. Смотрит видео. Он — в курсе, он — продвинутый. Стало не стыдно быть не читателем, — ведь существует множество других, более полезных и практичных не только занятий, но и развлечений»³.

В 1998 г. главный редактор журнала «Знамя» С. Чупринин опубликовал статью «*Россия на пути от самой читающей к самой пишущей стране мира*». Примечательно само название статьи, в которой автор говорит о том, что в конце XX века ряды писателей увеличились во много раз за счет того, что издательства, выпускающие массовую литературу, стали воспринимать ее как хорошо продающийся товар, интерес к которому нужно постоянно обновлять. Современные издательства объявляют о появлении новых имен практически каждый месяц. Явление, которое можно было бы рассматривать как новое и типичное для современной социокультурной ситуации, было отмечено еще в 1920-е гг. литературоведом Борисом Эйхенбаумом: «Положение писателя приблизилось к положению ремесленника, работающего на заказ или служащего по найму <...>. Явился особый тип писателя — *профессионально действующего дилетанта*, который, не задумываясь над существом вопроса и над самой своей писательской судьбой, отвечает на заказ “халтурой”»⁴ [выделено мной. — М. Ч.]. Описание механизма «выполнения заказа» представлено в монологе героини Д. Донцовой Виолы Таракановой (своеобразное alter-ego автора), которая решила пойти по пути многочисленных «детективщиц»: «*Совсем недавно я написала детективный роман. Самое странное, что я довела книгу до конца, до этого все мои потуги на писательство заканчивались на двадцатой странице. Но еще более странно,*

² Дундурей Д. Читать так же престижно, как покупать дом // Российская газета. № 3831 от 27 июля 2005 г.

³ Иванова Н. Литературный дефолт // Знамя. 2004. № 10

⁴ Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987. С. 57.

что рукопись взяли в издательстве и... напечатали. И что уж и вовсе непонятно, так это то, что мне заплатили деньги. Первый успех окрылил меня настолько, что я быстро состряпала следующее произведение, которое тоже вскоре оказалось на прилавках» (Д. Донцова. Три мешка хитростей).

Большая конкуренция на книжном рынке требует от писателя непосредственного поиска своего читателя. Очевидно, что сегодня мы наблюдаем превращение читателя-ученика, столь милого русской классической литературе, в читателя-покупателя. Поэтому главными технологиями в современной литературе становятся технологии рынки и производства. «Человек попадает в книжный рай, где возможно исполнение его желаний, о которых он, оказывается, и не догадывался. Но покупатель не должен прийти в себя, очнуться от сладкого морока, — чтобы уйти с купленным товаром еще и счастливым. А чтобы он не разочаровался в дальнейшем и утвердился в правильности выбора, его подсаживают на иглу рекламы, включая любые, в том числе и не прямые, способы: от участия авторов купленных (навязанных) книг в телевизионных шоу до сладкоголосых объявлений в метро»⁵, — отмечает Н. Иванова.

Неквалифицированный, ориентированный на глянец читатель сегодня формирует литературные вкусы. На такого читателя ориентированы даже современные названия книжных серий «Лекарство от скуки», «Легкое чтение», «Отдохни» или реклама любовных романов «Отправь голову в отпуск». Появилась и книжная серия «Смотрим фильм — читаем книгу». Не только сериалы, но и полнометражные фильмы спешно переводятся теперь на язык прозы («72 метр», «Меченосец», «Есенин», «Богиня» и др.). Например, одновременно с всероссийской премьерой фильма «Живой» появилась одноименная книга, сочиненная Д. Быковым, а Ю. Высоцкая опубликовала роман «Глянец», вышедший параллельно с фильмом А. Кончаловского.

⁵ Иванова Н. Сюжет упрощения // Знамя. 2007. № 6.

Читательские вкусы причудливы и непредсказуемы. Так, в последние годы после успеха многочисленных телевизионных программ, построенных по принципу реалити-шоу, оказалась востребована и своеобразная «реалити-литература» — «Рубашка» Е. Гришковца, «День счастья завтра» О. Робски, книга Бибиш «Танцовщица из Хивы, или История простодушной», повести И. Кочергина «Помощник китайца», А. Бабченко «Алхан-Юрт», С. Шаргунова «Ура!», А. Ефимова «730 дней в сапогах», роман А. Малахова «Мои любимые блондинки» — особый вид прозы, в которой представлена почти протокольно задокументированная жизнь. Востребованный сегодня образ писателя в полной мере может быть обнаружен в проекте издательского дома «Семь дней», который в журнале «Караван» стал публиковать автобиографические романы звезд шоу-бизнеса: «И жизнь, и слезы, и любовь» Валерии, «Заложница» певицы Жасмин, «Кольцо для Одетты» Анастасии Волочковой, «Танго втроем» Наташи Королевой, «Мой жаркий лед» Татьяны Навка. Создается устойчивое впечатление, что некий «фантомный автор» один, все романы созданы по одному лекалу: трагические истории о предательстве и кознях коллег по цеху, об одиночестве и страхе, преследованиях со стороны мужчин, недоброжелателях и т. д. Стилистика этих романов напоминает русские народные женские плачи. Ср.: «Добрый и милосердный Боже! Дай мне отдохнуть! Я же ничем перед тобой не провинилась. ... Я устала страдать, жить с мыслями о побеге. В чем я провинилась?» (Валерия); или: «После той стычки с мужем я проснулась вся в синяках и ссадинах, но жалости у него ни мой внешний вид, ни душевное состояние не вызвали. Я, как и прежде, пыталась найти оправдание его проступку, но на этот раз ничего не получалось. Решила, что, видимо, такова моя судьба и придется это все терпеть» (Жасмин); «И ... раз, и ... два, и ... три, и ... четыре. Выше ногу, девочка! Ну давай, Волочкова! Что с тобой делать? В нашем деле упорства мало. Тут данные нужны. И ты, Волочкова, сколько ни бейся, балериной не будешь. Ни-

когда» (Волочкова). Тема женского горя и страданий становится тем шампуром, на который нанизывается все: и жизнь, и слезы, и любовь. Но все без исключения истории оказываются историями прекрасных Золушек. Итогом страданий становятся профессиональный успех, слава, деньги, любовь. Так как современный массовый читатель представляет собой некий гибрид между читателем и телезрителем, переключаящим кнопки, все истории щедро проиллюстрированы глянцевыми фотографиями звезды в разных позах, разных нарядах на фоне разных интерьеров.

Когда-то трогательный герой Ф. М. Достоевского Макар Деушкин говорил: «Я не спорю, есть и лучше Ратазьева писатели, есть даже и очень лучшие. Но и они хороши, и Ратазьев хорош; они хорошо пишут и он хорошо пишет. Он себе особо, он так себе пописывает, и очень хорошо делает, что пописывает». Сегодняшние «Ратазьевы» «пописывают» стремительно и обильно именно потому, что их активно «почитывают», потребляя многотысячными тиражами и отказываясь при этом читать других. Тиражи ведь тоже многое говорят о современном читателе. Так, например, роман Валерии издан тиражом 250 тыс. экземпляров в то время, как новые произведения В. Маканина, Л. Улицкой, А. Кушнера, О. Славниковой и других подлинных писателей выходят тиражами от 5 тыс. экземпляров.

Сегодня читатель как настоящий покупатель не только «голосует» за тиражи того или иного произведения, он может определять будущее развитие уже состоявшихся «королей жанра». Так, например, в тридцать пятом романе А. Марининой «Все не так» появляется совершенно не типичный для писательницы герой — бывший спортсмен Павел, который приглашен в семью бизнесмена Руденко тренировать его дочь, подростка Дану. Девочка безобразно толста, и ее психика так этим травмирована, что она утратила всякую социальную адаптацию и не выходит из дома. Занимаясь Даной, Павел невольно вникает в непростые отношения многочисленного семейства Руденко, где у каж-

дого есть «свой скелет в шкафу». Павел выполняет свою задачу и делает из рыхлого чудовища стройную девушку. Попутно он выясняет, кто же убил брата бизнесмена Руденко. Неуловимо изменился адресат текста и провозглашаемые автором ценности. Вместо дружной команды Каменской с их юмором, дружбой, жесткими принципами и кодексом чести, появляется сердитый одинокий спортсмен, обслуживающий богатых обитателей загородных коттеджей. В конце книги приведена примечательная анкета для читателей: сначала предложено оценить новый роман Марининой и указать, к какому жанру он относится, потом сообщить, понравилось ли то, что в нем «достаточно много внимания уделяется психологии отношений», и затем — главный вопрос: «Чего, на ваш взгляд, недостает роману А. Марининой «Все не так»? Предложен следующий список недостатков: «1. Интрига. 2. Загадки, тайны, детективные расследования. 3. Динамика развития сюжета. 4. Стрельба, драки, погони. 5. Юмор, ирония. 6. Романтика. 7. Мелодраматизм. 8. Психологизм. 9. Философские мысли, рассуждения, выводы. 10. Другое. 11. В этом романе есть все, что мне нужно». Возможно, тридцать шестой роман А. Марининой выйдет уже с учетом пожеланий читателей.

Включение читателя в создание массовой литературы наглядно демонстрирует и проект издательства «Эксмо» и газеты «Московский комсомолец» «Народный детектив. Закрути роман с Донцовой». Механизм проведения игры следующий: Донцова представила главных героев, дала завязку сюжета и три варианта продолжения. Читателям же необходимо выбрать наиболее интересный с их точки зрения вариант и проголосовать за него. Набравший наибольшее количество голосов вариант становился основой для продолжения сюжетной линии романа. По итогам акции была выпущена книга «Британец китайского производства». «Мы находимся на той стадии, когда “потребление” охватывает всю жизнь, когда все роды деятельности комбинируются одним и тем же способом, когда русло удовольствий прочерчено зара-

нее, час за часом, когда “среда” целостна, имеет свой микроклимат, устроена, культура-лизована»⁶, — не о нашей ли ситуации, когда «*homo legens*» — человек читающий постепенно замещается «*homo consumans*» — человеком потребляющим, писал философ Ж. Бодрийар?

На наших глазах происходит десакрализация книги, которая воспринимается как одноразовый продукт (ее не хранят, не берегут, оставляют в гостиницах и транспорте, отдают знакомым), не случайно сейчас среди книг массовых жанров издания в мягкой обложке — лидеры продаж. «Потребность рынка — закон: в мгновение ока, откуда ни возьмись, нахлынули сотни авторов, готовые заполнить промежутки между обложками необременительными текстами. Ещё вчера одни из них были безнадежными графоманами, отвергнутыми всеми издательствами, вторые томились в бесперспективных НИИ, третьи уныло домохозяйничали... Но возник спрос — и они стали ПИПами [персонафицированные издательские проекты. — *М. Ч.*]⁷, — определяет особенности современного книжного рынка писатель Юрий Поляков. Очевидно, что подавляющее число современных писателей, особенно массовых, не стали, да и не могут стать «группой духовного поиска»⁸, как выразительно назвал писателей, которые влияют на формирование души, философ Григорий Померанц.

«В чем новизна ситуации? — задает вопрос лауреат Букеровской премии 2006 г. Ольга Славникова. — В принципиально иной структуре информационных процессов. Оружие массового поражения завтрашнего дня — не атомная бомба, но информация. Предыдущие полвека люди учились жить при свете факта, что простым нажатием кнопки можно уничтожить город. Это изменило человеческое сознание. Теперь же мы

на пороге мира, где целую культуру можно стереть, как папку с файлами. Ее попросту не будет, если некто с соответствующим чemoданчиком нажмет на “Delete”. Существует предельное число носителей языка, при котором язык еще жив. Существует и предельное число читателей Пушкина, при котором Пушкин наличествует. Уберите пиаровскую программу в виде школьного курса литературы — и нашего золотого XIX в. не станет уже послезавтра»⁹. Действительно, изменение статуса автора и престижа чтения являются неизбежным следствием «экранный цивилизации», царства зрительных образов и электронной коммуникации. Многие называют нашу эпоху «постгуттенберговской», так как книга существует уже не только в бумажном и электронном, цифровом формате. Известный французский социолог литературы Роже Шарье пишет: «Граница между письмом и чтением, автором текста и читателем книги, четко обозначенная в печатном тексте, в электронном исчезает, а ей на смену приходит иная реальность: читателю дано право стать одним из равноправных создателей коллективной рукописи, или, по крайней мере, составить новый текст на основе произвольно вырезанных и склеенных фрагментов»¹⁰.

И если пока на вопрос о том, какой формат (бумажный, электронный или аудио) ближе, читатели чаще всего отвечают, что бумажный, все же доля электронных изданий возрастает с каждым днем. Выступая на радио «Свобода» писатель и критик Александр Генис, выказал опасение: «Во всех грядущих переменах страшит не столько смерть книги, сколько ее последствия — будущая судьба самого чтения: компьютер может убить не книгу, а ее идею. Дело в том, что оставшиеся без переплета страницы во все не обязательно читать все и читать подряд. Вместо обещанной всемирной библиотеки нас ждет лес цитат. Оцифрованная литература превратится в равноправную ин-

⁶ Бодрийар Ж. Общество потребления: его мифы и структуры. М., 2006. С. 10.

⁷ Поляков Ю. Заметки несогласного. Писатели и пипы // Литературная газета от 13 дек. 2005 г.

⁸ Померанц Г. О том, как русская литература замещала церковь // [Российская газета. № 3865](#) от 5 сентября 2005 г.

⁹ Славникова О. К кому едет ревизор? Проза «поколения next» // Новый Мир. 2002. № 9.

¹⁰ Шартье Р. Письменная культура и общество. М., 2006. С. 128.

формационную массу, ориентироваться в которой может только Интернет»¹¹. «Изобретение книгопечатания было бедствием, подобным изобретению пороха, ибо оно стало самым мощным орудием распространения невежества», — эта парадоксальная мысль Л. Н. Толстого приобретает сегодня особое звучание. Электронная литература в какой-то степени деформирует в сознании читателя истинную систему эстетических координат.

Одной из наиболее популярных новых форм чтения в последнее время стали аудиокниги. Аудиокниги принципиально меняют саму ситуацию чтения, позволяя параллельно вести машину, заниматься в спортзале, гулять с собакой и т. д. В одном из интервью Б. Акунин признается: «Чтобы создать что-то свое, надо переработать громадное количество чужого литературного опыта. Опыта качественного, классического. *Сейчас я нашёл способ чтения классики. Я её слушаю.* Иду в спортзал, надеваю наушники, кручу педали и слушаю. Оказывается, есть чудесные аудиозаписи всех классических произведений, я прослушал их сотни. И читают их великие актеры. Часто именно текст наталкивает на что-то интересное»¹². Таким образом, даже интеллигентный, образованный читатель, каким является писатель Б. Акунин, декларирует отказ от традиционного способа чтения, предполагающего возможность многократного возвращения к различным фрагментам текста, им предлагается хотя и вполне приемлемый, но упрощенный способ восприятия художественной литературы.

Появление аудиокниг — явление вполне закономерное. Литературные проекты последних лет во всем мире все больше и больше демонстрируют желание издателей превратить литературу из вида искусства в часть медиaprостранства, отвечающего за формирование индивидуального смыслового

образа реального мира. Превращение автора в издательский бренд требует от него все возрастающей публичности. Культивируется институт презентаций, в ходе которых текст предьявляется СМИ вместе с автором, а его содержание становится неотделимым от авторского имиджа — поведения, интонации, голоса. Уже неотделима от особой авторской интонации проза Евгения Гришковца, читают свои произведения Татьяна Толстая, Дина Рубина, Сергей Минаев, Татьяна Устинова и многие другие.

«Неохота учить этого дурацкого Пушкина», — фраза была типичной для моих одноклассников, когда я учился в школе. Однако это не мешало им интересоваться новой литературой, рассказывавшей о той жизни, которой живут они сами. Если век назад футуристы пытались сбрасывать классиков «с парохода современности», то сегодня никого не нужно сбрасывать. Для поколения читателей, рожденного в восьмидесятых, литература как бы началась с чистого листа. С одной стороны, многие из них знают новых авторов. С другой, в большинстве своем младочитателям совершенно наплевать на ту литературу, которой их загружали в школе»¹³, — признается молодой писатель Максим Свириденков. Именно этому поколению «младочитателей» адресованы сегодня многочисленные проекты по поддержке чтения. Издаются прекрасно оформленные энциклопедии, появляются книги, пропагандирующие чтение — от игрового романа-энциклопедии А. Етоева «КнигоЕдство: выбранные места из книжной истории всех времен, планет и народов» до филологического романа Е. Клюева «Давайте напишем что-нибудь». Симптоматичным в этом отношении является и то, что президент России предложил ввести госзаказ на хорошую литературу. Такая идея прозвучала в феврале 2007 г. Ново-Огареве на встрече Владимира Путина с начинающими писателями. Молодые поэты и прозаики жаловались на средства массовой информации, что те не уделяют

¹¹ Радио «Свобода», 10.05.2007 г. <http://www.svobodanews.ru/>

¹² Акунин Б. «Я беру классику, вбрасываю туда труп и делаю из этого детектив». Интервью Т. Хмельницкой // Мир новостей. 1 июля 2003 г. № 27 (497).

¹³ Свириденков М. Ура, нас переехал бульдозер! Разбор полетов новой прозы // Континент. 2005. № 125.

им никакого внимания. Путин предложил свой вариант поддержки литературных дарований, назвав возможные темы госзаказа: пропаганда здорового образа жизни, семьи, армии. Как откликнутся молодые писатели на этот заказ, покажет ближайшее будущее.

Одним из показателей возрастающего интереса средств массовой информации к проблемам чтения становятся многочисленные социологические опросы, так или иначе рисующие портрет современного читателя. Так, например, Л. Улицкая, О. Славникова, В. Сорокин, Ю. Мамлеев, Н. Коляда, В. Аксенов, Д. Донцова, В. Токарева, Э. Лимонов, Л. Петрушевская, А. Геласимов, П. Крусанов, Д. Быков и многие другие авторы приняли участие в социологическом опросе, проведенном популярным среди молодежи и многотиражным журналом «Time Out Москва». Ответы на вопросы, чаще противоречивые, реже — совпадающие, все же в какой-то степени отразили вкусы и предпочтения тех, кто претендует на звание интеллектуальной элиты общества. Самой недооцененной книгой XX столетия чаще всего называли романы А. Платонова «Чевенгур» и «Котлован», роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», произведения В. Шаламова и С. Соколова. Самыми переоцененными книгами XX в., как ни странно это звучит для широкого читателя, единодушно называли «Мастера и Маргариту» М. Булгакова, «Тихий Дон» М. Шолохова и «Архипелаг Гулаг» А. Солженицына. На вопрос о книге, которая точнее всего отражает современность, ответы были самые разные — от произведений В. Сорокина и В. Пелевина, которые «в какой-то мере отражают хаос современной жизни», до Д. Быкова, Д. Роулинг и др. Среди самых сильных литературных впечатлений за последний год чаще всего встречались «Даниэль Штайн, переводчик» Л. Улицкой, «2017» О. Славниковой, «Золото бунта» и «Сердце Пармы» А. Иванова, «День опричника» В. Сорокина и «Empire V» В. Пелевина. Среди самых смешных книг лидировал, безусловно, романы И. Ильфа и Е. Петрова, «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома, романы П. Вудхауза.

Лучшей детской книгой традиционно назывались «Винни-пух и все-все-все» А. Милна, «Малыш и Карлсон» А. Линдгрена, «Алиса в Стране чудес» Л. Кэрролла и «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери.

Бакалавры и магистры филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена весной 2007 г. тоже провели социологический опрос о читательских предпочтениях среди респондентов разного возраста и разных профессиональных интересов. Прежде всего, студентов-филологов интересовал вопрос «Как вы относитесь к людям, которые большую часть времени проводят за чтением». И если люди старшего поколения (от 30 и выше) писали «завидую, с уважением» и т.д., то представители молодого поколения (от 15 до 25), которых один критик иронически назвал «потерянным поколением» из-за их увлечения романами о Гарри Поттере, напротив, отмечали, что «это бегство от реальности, они немножко чокнутые, зануды, лодыри, они мало успевают в жизни, они не современны, ботаники», что свидетельствует о безусловном падении престижа чтения.

Результаты социологического опроса свидетельствуют о том, что изменение статуса литературы в обществе неизбежно влечет за собой и изменение облика читателя. Читательская компетенция основана на том, что в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного. У молодого читателя XXI в. этих следов, к сожалению, очень мало. И хотя на вопрос «Что такое классическое произведение», он дежурно отвечает: «вечные истины; актуальность всегда; общепризнанно; это то, что есть в школьной программе; это наша история; произведение, которое нужно пройти в школе, но оно не захватывает; это толстые книги, которые были написаны давно; произведение, которое отличается от современной литературы наличием умных мыслей», все же, отвечая на вопросы о литературе, он обращается чаще не к своему читательскому опыту, а, скорее, к опыту кинематографическому. Литературные герои замещаются киногероями, что видно, например, из ответов на вопрос о том, с каким литературным героем вы себя ассо-

цириуете: «Маргарита, Мастер, д'Артаньян, Скарлет О'Хара, Арагорн (Толкиен), Остап Бендер, Каменская, Даша Васильева». В условиях коммерциализации литературы произошли радикальные ментальные сдвиги и такие признаки массового сознания, как детскость, упрощенность литературных ожиданий стали чертами читателя особого типа — «наивного читателя».

Заставить читателя обратиться к книге и осознать справедливость истин, отраженных в Федеральной программе поддержки и развития чтения («Чтение — основной и ничем не заменимый источник социального опыта прошлого и настоящего, российского и зарубежного. Все остальные каналы (телевидение, радио, повседневное общение и др.) несут более поверхностную, часто сиюминутную информацию и выполняют вспомогательную роль своего рода “путеводителей”, побудителей к поиску достоверной письменной информации, либо предоставляют иллюстрации к событиям прошлого и настоящего») очень сложно. И речь идет не только об отторжении и незнании классических текстов, когда при чтении происходит масса коммуникативных неудач, например, заголовков журнальных и газетных статей, но и об отторжении современной литературы. М. Л. Гаспарову принадлежит очень емкое определение современности: «Современность — это то, что не проходят в школе, что не задано в отпрепарированном виде, о чем мы знаем непосредственно, чему учит улица»¹⁴. Казалось бы, именно своей незатертостью и новизной должна привлекать современная литература. Но нет. Грустные примеры нежелания читать коллег по цеху приводит главный редактор журнала «Знамя» С. Чупринин: «Я мало читаю из современной прозы». Вот сейчас Тынянова читаю», — признается Л. Улицкая. «Я ничего не читаю, кроме того, что мне нужно для работы. А это — документальная проза», — вторит ей еще один букеровский лауреат А. Азольский. «Я беллетристики в руки не беру и не читаю. У меня есть на этот счет удобное оправда-

ние: я решил себе, что «литературы больше нет, и не надо». Она там, в прошлом времени. Осталась одна история», — это Г. Павловский, руководитель «Русского журнала». А вот и редактор «Нового мира» А. Василевский, который, признавшись, что современных писателей читает только «за деньги», находит нужным уточнить: «В современной словесности я чувствую себя эмигрантом. Не туристом, ненадолго посетившим чужую страну и заплутавшим — без языка — в трех улочках. Нет, эмигрантом, вполне ориентирующимся в обстановке. Жить можно, но — все чужое, а домой дороги нет, потому что и самого дома больше нет. Ну и живешь, и всех знаешь, и язык их знаешь. Известно, с волками жить... И ведь это VIPы, признанные авторитеты и эксперты! — так как же не последовать их примеру и самому обычному, нормальному покупателю-подписчику-читателю, потянувшемуся было за свежим журнальным выпуском или книжкой»¹⁵. Это было сказано в 2004 г., но и спустя три года мало что изменилось. Недавно межрегиональная ассоциация деловых библиотек провела интернет-конференцию на тему «Можно ли читать книгу, читать которую модно». У многих участников конференции возникало ощущение, что читать модную книгу не только не хочется, но и, скорее всего, не стоит. Как быть? Читать вместе со всеми, поддавшись общему настроению, или обуздать любопытство и потерпеть? И насколько сложившееся среди большинства мнение о книге влияет на восприятие произведения? Заслуживает внимания признание одного участника дискуссии: «Недавно знакомая попросила ответить на анкету, в которой одним из вопросов значился “как вы относитесь к современной литературе”. И тут я понял, что ответить на этот вопрос мне нечего. Потому что с современной литературой, с мейнстрим-литературой я не знаком. Более того, у меня почему-то не возникает особенного желания с ней знакомиться именно сейчас. Современную русскую фантастику я, да, читаю. А прозу лауреатов всяких отечест-

¹⁴ Гаспаров М. Л. Столетие как мера, или Классика на фоне современности // «НЛО». 2003. № 62.

¹⁵ Чупринин С. Звоном щита // Знамя. 2004. № 11.

венных премий и растиражированных и все-народно восхваляемых западных авторов читать отчего-то не просто не хочется, а не хочется сильно. При этом некоторые укоры совести, что в процессе немножко разбираться надо, присутствуют, но все равно не стимулируют в достаточной степени, чтобы покупать эти книги и их читать»¹⁶.

В ответах на вопросы, подготовленные студентами-герценовцами, непростые отношения читателей с современной литературой были отражены в полной мере. Так, например, подавляющее большинство респондентов на вопрос о том, *каких современных писателей вы знаете*, называли прежде всего авторов массовой литературы (Д. Донцова, Б. Акунин, А. Маринина, Е. Вильмонт, Т. Устинова, О. Робски, С. Минаев и др.). Единицы вспоминали С. Довлатова, Л. Улицкую, Т. Толстую, В. Пелевина, В. Сорокина. Оторванность от живого литературного процесса подтверждалось и тем, что абсолютное большинство не знает, например, о существовании толстых литературных журналов, таких как «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» и др. Литературные журналы для них — это «Биографии», «Караван историй», «Лиза», «Вокруг света» и др.

Показательными оказались ответы на вопрос «*Как вы представляете себе современного писателя*». В ответах в полной мере отразились современные социокультурные стратегии по превращению писателя в бренд и медийную фигуру. Так, одни представляют современного писателя, как «маленькую юркую женщину», «как Виола Тараканова», «молодая стильная девушка со свежим взглядом на жизнь». В этом образе явно видны «прототипы» — Дарья Донцова и Оксана Робски. Однако для большинства современный писатель — это все же мужчина, правда, выглядит он у разных респондентов по-разному. Вот его обобщенный портрет: «Путешествующий, молодой, умный, в классическом костюме, стильный, в очках с черной или красной оправой, очень опрятный вид, с ноутбуком; странный, курит, живет в ста-

ринном доме; с ноутбуком, в костюме при шляпе; чудаковато одет, со странностями; веселый, совершает неординарные поступки; общительный, умный, в свитере и джинсах; молодой, сидящий за ноутбуком в кафе; растрепанный, с бородой; старый, лысый, с тростью, человек, отгородившийся о мира, в темной одежде, молчаливый; мужик с бородой с длинным клетчатым шарфом; скромный мужчина в очень дорогой рубашке и галстук; качается в кресле-качалке в комнате без мебели; творческая личность пожилого возраста с платком на шее; в очках, поиск в глазах; гламурный, иногда пафосный, мужчина в шляпе с усами и сумасшедшим взглядом; седой старенький дедушка с трубкой в зубах; коротко подстриженный молодой человек в очках и чистых ботинках».

Большое количество разнообразных ответов было дано на вопрос «*О чем бы вы посоветовали современному писателю написать книгу*». Спектр читательских заказов широк: «о любви и истории, об изменениях в социальной обстановке, о жизни несчастной девушки в мегаполисе, о президенте, о современных проблемах молодежи, о жизни подростков, современная интерпретация вечных тем, о нацизме в Петербурге, о темпе современной жизни, в которой теряется личность, о Великой Отечественной войне, о деградации современного общества, о герое нашего времени, о жизни современного человека в большом городе, о жизни студентов в общежитии» и др. Необходимо отметить, что практически любая из «запрошенных» тем так или иначе представлена в современной прозе. О темпе современной жизни, в которой теряется личность, пишут и В. Пелевин, и С. Минаев, и Л. Петрушевская, и В. Сорокин. О жизни несчастной девушки в мегаполисе можно прочесть у Е. Колиной, Е. Метелицы и М. Зверевой; о жизни студентов в общежитии написана замечательная «Общак-на-Крови» А. Иванова, а о новом взгляде на Великую Отечественную войну пишут Э. Володарский, В. Черных, Д. Гуцко и др. Новая интерпретация вечных тем — это вообще одна из ключевых тем современной литературы, которая отражена в прозе

¹⁶ Library.ru

В. Маканина, Д. Рубиной, Вяч. Пьецуха, Л. Улицкой, А. Слаповского и др. А жизни и проблемам современной молодежи полностью посвящена проза молодых — С. Шаргунова, И. Мамаевой, С. Чередниченко, К. Букши, З. Прилепина, И. Вырыпаева, И. Денежкиной, братьев Пресняковых.

К сожалению, итоги социологического опроса подтвердили грустные слова С. Чуприна: «Русскую литературу разлюбили. Ею — делая исключение для нескольких раскрученных имен — больше не интересуются. Ее сторонятся. Хотя к ней, впрочем, вполне снисходительны: пусть, мол, пока живет. Но отдельно. Сама по себе. Вдалеке от мейнстрима первоочередных общенациональных и личных забот. В своем, все более и более сужающемся кругу, где друг друга вскоре будут знать в лицо и по имени. В спо-

ре физиков и лириков победили бухгалтеры»¹⁷.

Прозу начала XXI в. критики нередко называют «прозой нулевых годов». Вот уже действительно, «как корабль назови, так он и поплывет». Создается ощущение, что современную литературу «обнулили», и она находится в точке отсчета, ей нужно создавать и осознавать себя заново, отстаивать себя, завоевывать читателя и свое место в истории русской литературы. Остается надеяться, что этот период пройдет, и в опросах молодых людей не будет такого высокого процента ответов, что «читать не модно». И наступит, наконец, «время читать».

¹⁷ Чупринин С. Нулевые годы: ориентация на местности // Знамя. 2003. № 1.